

Несмотря на значительные успехи, которые достигла республика в последние годы, сохранение темпов развития человеческого потенциала страны – необходимое условие его успешного инновационного развития.

Таким образом, человеческий капитал в условиях инновационных преобразований государства становится его базовым ресурсом, эффективное использование которого существенно повышает шансы успешного развития инновационной экономики.

Знания становятся основным источником экономического роста и важнейшим производственным ресурсом. Таким образом, необходимым условием формирования экономики знаний является обеспечение высокого качества профессионального образования, в первую очередь высшего. Его развитие и качественное совершенствование – актуальная задача государственной политики Республики Беларусь.

Список использованных источников

1. Human Development Indices and Indicators [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://report.hdr.undp.org/> – Дата доступа – 26.11.2019.
2. Global innovation Index 2019: по разработкам мобильных приложений Беларусь — шестая в мире [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dev.by/news/innovation-rating> – Дата доступа – 26.11.2019.
3. Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь. Статистический сборник – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2018 –135 с.
4. Стратегия Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности на 2012–2020 годы. – Режим доступа: <http://www.gknt.gov.by/opencms/opencms/ru/is/is3/>. – – Дата доступа – 26.11.2019.
5. Государственная программа инновационного развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belisa.org.by/pdf/2018/GosProgramm.pdf> – Дата доступа – 26.11.2019.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ: В ПОИСКАХ НОВОЙ ПАРАДИГМЫ

И. А. Руденков,

канд. экон. наук, доцент кафедры международной политической экономии
Белорусского государственного университета, г. Минск

Политическая экономия вновь востребована, потому что рыночная теория не способна дать ответы на самые острые вопросы о перспективах развития современного общества. Сегодня статус флагмана экономической науки получила «поведенческая экономика». В последние годы только представители этого направления удостоиваются Нобелевской премии по экономике. «Поведенческая экономика» возникла с целью дать научное обоснование несоответствия теоретических построений фундаментальной рыночной теории экономической реальности. Главная ее задача объяснить почему логика поведения рыночных субъектов противоречит рациональным логическим принципам поведения «человека экономического». Если основатели институциональной экономики, по наивности, усомнились в рациональности самих принципов рыночного поведения, полагая, что *homo sapiens* не может вести себя подобно самым примитивным представителям животного мира, то адепты поведенческой экономики уличили людей в нерациональности из-за их нежелания подчиняться примитивной логике «человека экономического». Не ведомо кто и как, но сомневающихся в рациональности *homo economics*, очень быстро поставили на место, загнав в железобетонное русло мейнстрима, которое образуют принципы «экономикаса». В 90-е годы 20-го столетия чести быть флагманом удостоивались исключительно экономисты математического направления, которые взяли на себя функцию экономического предвидения, основанного на законах математической логики. Однако, поскольку ни один из их прогнозов не оправдался, понадобилось объяснить и научно обосновать причины такого конфуза. Эту

функцию сегодня выполняет «поведенческая экономика», а почему она это делает объяснил еще Уинстон Черчилль: «Политик должен уметь предсказать, что произойдет завтра, через неделю, через месяц и через год. А потом объяснить, почему этого не произошло». Таким образом, диалектическая спираль развития экономической науки, основанной на постулатах рыночного фундаментализма пришла к логическому завершению. Началось все с отрицания объективных экономических законов, сформулированных классической политической экономией. Их подменили субъективными формально-логическими суждениями: «о том, как должно быть» и поверхностными, позитивистскими представлениями о реальном состоянии экономики. Объективные экономические законы заменили на принцип равновесия, которое зависит от соотношения спроса и предложения. Это было представлено как метод научного познания, подкрепленный эконометрическими моделями. В соответствии с этой методологией все явления и категории экономического мира стали объяснять с позиции равновесия рыночного спроса и предложения, которое меняло свою специфику в зависимости от уровня и сектора исследования. Все причинно-следственные связи, факторы влияния и изменения показателей экономической деятельности объяснялись только соотношением спроса и предложения. Хотя эти «строго научные» логические построения, подкрепленные мощным математическим аппаратом, экономико-математическими моделями вступали в противоречие с реальностью, это не вызывало сомнения в адекватности применяемой методологии. Объяснение причин такого несоответствия стали искать в нерациональности индивидов, которые никак не хотят в своем мышлении и поведении опускаться до уровня «homo economics», т. е. до уровня самых примитивных животных, ориентированных на удовлетворения своих растущих, по мере своего собственного роста, потребностей.

В рыночной теории нет общепринятого представления о методологии экономического исследования, трактовки методов весьма эклектичны, однако, есть один абсолютный запрет (табу) – применение диалектики. Вот в этом разногласии не допускаются под страхом отлучения от научного сообщества. Поэтому, как в апориях Зенона: половина времени равна двойному (апория Стадион), так и в рыночной теории стоимости: спрос и предложение определяются ценой, а цена определяется спросом и предложением. Но динамика экономической теории – это не просто движение в порочном круге – это диалектическая спираль, (независимо от того признаем мы диалектику, или нет), а спираль развития приводит к отрицанию отрицания. Экономическая теория, построенная на отрицании классической политической экономики сама себя, подвергла отрицанию, перейдя на стадию поведенческой экономики, которая отрицает и существование объективных экономических законов, и сам предмет экономической науки. Поведенческая экономика изучает мотивы поведения индивидов при принятии ими решений, связанных с экономической деятельностью, пытается объяснить почему индивиды не принимают решения, обеспечивающие «максимизацию полезности» ничуть не сомневаясь в том, что именно в этом заключается рациональность поведения. Реальные люди оказались недостаточно рациональны, недостаточно совершенны для идеальной рыночной модели: у них слабые когнитивные способности, эмоциональны и эгоистичны, не правильно оценивают риски, предпочитая гарантированную стабильность получению «с высокой степенью вероятности» прибыли (теория перспектив, парадокс Алле), недостаточно внимательны и излишне самоуверенны (Теория ограниченной рациональности Саймона), подвержены стадным инстинктам на финансовых рынках, им присуща недостаточная реакция, адаптация и гиперреакция (Модель Талера). Если бы не это, в обществе была бы достигнута полная гармония и всеобщее благосостояние, ибо нет ничего «совершеннее» рыночной экономики. Поэтому, экономическая наука, изучающая объективные законы хозяйственной деятельности человека больше не нужна, а надо заняться психологией хозяйствующих субъектов, социальной психологией. Идеальная хозяйственная система – рыночная экономика уже создана, теперь стоит задача сформировать для нее подходящих субъектов. Конечно, это – «homo economics», единственная проблема: желают ли живые, реальные граждане преобразовываться в столь примитивное существо?

Проблема создания «нового человека» уже ставилась в первой социалистической стране СССР, это был «Номо soveticus», или в просторечии – «совок». Тогда тоже была создана «совершенная экономическая система» – социализм, но вот люди к ней не очень подходили: не работали с полной отдачей на общественное благо, подворовывали, плохо слушались, не хотели полностью подчинить свою волю, не «невидимой руке рынка», как в рыночной экономике, а вполне осязаемой «руководящей роли коммунистической партии». Тем не менее, в советском государстве была провозглашена цель: формирование гармонично и всесторонне развитого человека и сделано для этого было не мало: бесплатное и высококачественное образование и здравоохранение, доступные занятия физкультурой и спортом, приобщение к культуре и искусству, свобода выбора профессии, всеобщая воинская повинность. При наличии воли и определенных способностей каждый городской житель (в сельской местности были иные возможности) мог приобрести разносторонние качества гармонично развитого человека. Примером такой личности может служить действующий президент России – В.В. Путин: прекрасно образован, великолепный спортсмен, музыкален и множество других качеств, которые он получил бесплатно, будучи по происхождению самым простым человеком – из рабочего класса. «Человек экономический», в сравнении с «совком», личность весьма примитивная: сконцентрирован на себе, на максимизации потребляемой полезности, с односторонне развитыми навыками исключительно для обеспечения конкурентоспособности в определенном виде деятельности с целью накопления собственности. Таким образом, две хозяйственные системы, созданные на основе логических умозаключений своих теоретиков, не были рассчитаны на живых людей, они нуждались в «идеальных» субъектах, для которых они формировались. Реальные люди не вписываются ни в социалистическую, ни в капиталистическую систему хозяйства. Главным недостатком «совка», по мнению ученых-марксистов, было ослабленное чувство хозяина – совладельца общественной собственности, что порождало ряд негативных явлений и снижало эффективность ее использования. Воспитание чувства хозяина общественного достояния ставилось главной задачей коммунистического воспитания последние десятилетия существования социализма. Однако, по сути, это явилось моральной подготовкой к трансформационным изменениям, переходу к системе хозяйства, основанного на частной собственности – капитализму. Поэтому, общество не сопротивлялось переходу рыночной системе хозяйства, в которой чувство хозяина гипертрофированно развито, преобладает над всеми остальными качествами индивида, и подавляющая часть населения являются, или мнит себя, хозяевами-индивидуалистами. Но, как утверждают теоретики поведенческой экономики, этого – не достаточно, односторонне развитая личность не может быть эффективным экономическим субъектом. Возникает парадокс: социалистическая система не эффективна, потому что у ее субъектов недостаточно развито чувство хозяина, а рыночная система не может справиться со своими провалами из-за того, что кроме частной собственности нужно обладать еще разнообразными качествами, которые частная собственность не формирует. Выходит, что Джон Гэлбрейт был прав: объективно необходима конвергенция двух систем.

Возникает вопрос: почему, казалось бы, мощные политэкономические научные школы бывшего СССР и других социалистических стран восприняли без всякого сопротивления аксиоматику рыночного фундаментализма? Зачем отказались не только от марксистско-ленинских догм, но и от методологии политэкономического исследования: диалектики и материалистического понимания истории? В чем причина придания забвению, незыблемых объективных экономических законов: закона стоимости и прибавочной стоимости, закона соответствия производственных отношений уровню и характеру производственных сил, закона планомерного и пропорционального развития и, наконец, закона обобществления производства. Разве эти законы перестали действовать? Или их знание мешают выстраивать идеологему рыночного фундаментализма? Причин здесь много, но выделим лишь две: во-первых, политическая экономия, стала называться «марксистско-ленинской». Именно по этой причине, политэкономия перестала быть объективной наукой, изучающей законы социально-экономического развития. Изначально, опираясь на высшие достижения

классической политической экономии, она превратилось в систему догм, которые формулировались очень узким кругом ученых, как гипотезы о будущем устройстве общества. Марксисты советского периода надстроили поверх весьма критической, но объективной, теории капиталистического способа производства К. Маркса и В.И. Ленина, непротиворечивую, позитивную теоретическую надстройку – «политэкономия социализма», которая скорее была романтическими ожиданиями, чем научной теорией, отражающую реальный экономический строй. При этом научный поиск новых принципов и форм производственных отношений, соответствующих уровню развития производительных сил был весьма затруднен, поскольку научное обоснование их объективной необходимости не могло быть признано ни научным сообществом, ни политической властью, ни государством, если не подтверждалось цитатами из трудов классиков марксизма. Диалектический метод стал неприменимым к анализу социалистических отношений, поскольку, вскрывая противоречия экономического развития, портил благостную картину «развитого социализма». Таким образом, объективное научное знание подвергалось идеологическому давлению и искажалось до уровня догматов новой религии. В научных кругах нарастало внутреннее неприятие новым догмам, которое распространялось и на объективные научные истины, открытые классиками марксистско-ленинской политической экономии. Диалектика могла бы послужить методологией критики догм экономической теории социализма, но уже не способна отразить всего многообразия современного мира, требуется более совершенная методология познания. Современная экономическая теория пошла другим путем: вместо того, чтобы пойти в глубь, к сущности производственных отношений и законов экономического развития, она пошла в ширь, изучая поведение индивидов в различных ситуациях, поведенческую экономику, отказавшись от предмета экономической науки – изучение объективных экономических законов.

К АНАЛИЗУ СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

И. С. Салихова,

докт. экон. наук, профессор кафедры бухгалтерского учета, налогообложения
и таможенного дела Московского университета им. С. Ю. Витте, г. Москва

Анализ содержания и результатов современного социально-экономического развития позволяет констатировать, что в результате безудержной монетарно-плутократической экспансии человека (как естественной функции «рыночноцентрической» модели хозяйственной деятельности), неэкономические блага все чаще и больше принимают форму экономических благ (воздух, вода, свет, природные условия и др.), а традиционные редкие ресурсы становятся редчайшими, а некоторые попросту исчезают (например, невозпроизводимые элементы природного капитала и др.).

В связи с этим, в современном социуме (среди наиболее прогрессивной его части) все глубже и отчетливей осознается потребность в таких «новых» (хорошо забытых «старых») редких благах, как *экономическая духовность, экономический гуманизм, созидательный экономический менталитет, доверительные отношения, толерантность, креативная элита, производительные классы* и другие [8, 11, 12]. Очевидно, что вне рамок этих и других релевантных специфических ресурсов, характеризующих вполне определенный набор человеческих и социальных аксиологических, когнитивных, поведенческих и сугубо профессиональных свойств и качеств, далее выстраивать хозяйственную деятельность не просто сложно, но и опасно, ибо уже давно виден горизонт тотального разрушения не только среды обитания человека, но и самого человека как источника и носителя определенных ценностей и смыслов [14].